

ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Александр Малько *

Статья посвящена анализу принципов современной российской правовой политики. Доказывается их тесная взаимосвязь и необходимость комплексного применения при выстраивании правовой политики.

Правовая политика формируется и осуществляется на основе определенных идей, основных положений, руководящих ценностей, которые выступают ее принципами. Они «корнями» уходят в правовую жизнь общества, а «ветвями» показывают, куда необходимо «развертывать» приоритеты правовой политики, в каком направлении расходовать в первоочередном порядке ее ресурсы, где приложить главные усилия.

Принципы правовой политики — это основополагающие идеи, определяющие общие подходы гражданского общества и государственной власти к стратегически ориентированной деятельности в сфере правового регулирования социальных отношений. Они вытекают из объективных закономерностей правового развития, его предназначения и направленности, призваны унифицировать характер целенаправленного воздействия на социальные отношения при помощи правовых средств, а также служить критериями оценки правильности предпринимаемых правотворческих и правореализационных решений¹.

Среди принципов правовой политики современной России можно выделить следующие: 1) научную обоснованность; 2) системность; 3) последовательность; 4) целенаправленность; 5) прогнозность; 6) реалистичность.

Научная обоснованность — базовый принцип правовой политики, некое идеальное со-

стояние, к чему субъекты правовой политики должны стремиться. Суть названного принципа заключается в том, что субъекты правовой политики при ее формировании и осуществлении основываются на достижениях науки, предложениях и рекомендациях, выработанных в результате научного поиска. Ведь без полноценного доктринального обеспечения в современных условиях все более усложняющейся правовой жизни выстроить полноценную правовую политику практически невозможно.

Данное обстоятельство необходимо учитывать, когда возникает необходимость оценивать правовую политику того или иного периода. И в этой связи вопросы по поводу наличия в современной России «**полноценной**» (выделено автором — А.М.) правовой политики» в силу того, что «решения подчас принимаются скоропалительно, спонтанно», «власть плетется в хвосте событий и т.д.»², заданные мне Г.И. Муромцевым³, а затем и В.А. Рудковским⁴, считаю риторическими.

Во-первых, речь шла именно о *полноценной* правовой политике, то есть как об эффективном, позитивном, прогрессивном политико-правовом процессе, которого в период правления Б.Н. Ельцина, естественно, не было по известным причинам. Конечно же, «какая-никакая» правовая политика была. Но можно ли это назвать правовой политикой в

* Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН

полном смысле слова, как научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государства по достижению высоких целей? Разумеется, нет. Верно, как нам представляется, по этому поводу пишет С.С. Алексеев: «в целом правовая политика в России и в упомянутые годы, и в настоящее время не отличается достойной целеустремленностью, подчас диктуется текущими потребностями, бессистемна, нередко хаотична»⁵. Об этом же, хотя и эмоционально, но по сути правильно говорит в своем интервью журналисту В. Кичину известный кинорежиссер А. Сокуров. В современной России, подчеркивает он, «все решения принимаются на основании не интеллекта, не рекомендаций экспертов, людей науки, а мотивации мужского характера. Советы, резоны не имеют влияния. Мы долго убеждали Бориса Николаевича Ельцина не начинать войну в Чечне. Ведь были способы не делать этого! В том, что мятеж будет подавлен, у меня не было сомнений. Главное — какой ценой. Но ни логика, ни исторические примеры не работали, а сработала стихия воли. И на основании личных черт характера принято решение: воевать. Это не интеллектуальное решение... И это глобальная проблема: обстоятельства становятся все более сложными, а мотивации к их разрешению остаются внутри человеческого характера»⁶. Думается, что такое состояние правовой политики назвать полноценным и перспективно-конструктивным нельзя.

Во-вторых, и Г.И. Муромцев, и В.А. Рудковский пытались ответить на поставленный вопрос. В частности, Г.И. Муромцев пишет следующее: «противоречивость и непоследовательность правовой политики в современной России лишь подтверждает, что эта политика не может быть эффективнее того права, которое используется для ее осуществления»⁷. В.А. Рудковский также отмечает, что «в той мере, в какой государство (и стоящие за ним социальные силы) способно оказывать организующее и направляющее воздействие на правовую сферу, ее состояние и развитие, а через нее на иные области общественных отношений, оно формирует в данной области свою правовую политику. Такое воздействие, очевидно, может быть как позитивным, так и негативным, как прогрессивным, так и регрессивным. Соответственно и правовую политику неправильно воспринимать как некое изначальное «благо», нечто самоценное. Опыт многих государств, в том числе и современной России, показывает, что при определенных условиях, в том числе при игнорировании научных требований, эта политика может быть весьма деструктивной, неэффективной и т.д.»⁸.

К тому же научные результаты тоже бывают разными. Сама история науки имеет примеры того, как те или иные научные достижения таковыми со временем уже не являлись, как те или иные научные разработки отвергались самой жизнью. Поэтому здесь важно учитывать и названное обстоятельство.

Отсюда, ответ на вопрос: «когда в России появится и появится ли правовая политика как научно обоснованная, последовательная и системная деятельность», считаю что, Г.И. Муромцев и В.А. Рудковский сами с успехом дали. Хотя в большей степени его нужно было адресовать тем государственным органам, которые формирует данную политику, кто выступает ее субъектом. И этот вопрос останется открытым до тех пор, пока власть не будет выстраивать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность в названной сфере, пока не будет реально воплощать в жизни вышеназванные принципы правовой политики. При обратных обстоятельствах подобная политика будет неполноценной, не эффективной.

Вместе с тем важно понимать и то, что науке необходимо исследовать правовую политику не только такой, какая она есть, но и выработать научно обоснованные положения о том, какой она должна быть. Высказывая критические замечания в адрес В.В. Борисова, считавшего, что никакой особой правовой политики нет, Н.И. Матузов верно подчеркивает, что «речь должна идти не о том, существует или не существует правовая политика, а о том, какой она должна быть в современных условиях»⁹.

Значение принципа научности правовой политики объективно обусловлено, с одной стороны, усложнением процессов правового регулирования и, одновременно, их недостаточной результативностью, а с другой — развитием научного знания, способностью современной науки позитивно влиять на указанные обстоятельства. Реализация научного подхода в процессе выработки и осуществления правовой политики становится при таких условиях объективной потребностью, что и находит свое гносеологическое выражение в принципе научности. Отражая определенные закономерные стороны функционирования правовой политики современного государства, принцип научности, тем не менее, не реализуется автоматически. Для этого необходимы соответствующие предпосылки — как теоретические, так и практические, как субъективные, так и объективные¹⁰.

Следует также учитывать, что «единой научной концепции правовой политики (по

крайней мере, в нормальных условиях, когда обеспечивается плюрализм в юридической науке) существовать просто не может. неизбежно формируются различные течения и школы, по-разному представляющие себе оптимальный путь правового развития, причем разногласия между ними могут быть чрезвычайно серьезными и даже непримиримыми. Одновременно с этим политика, проводимая в сфере права различными государственными органами, также может быть неоднородной, разрозненной, что вызвано столкновением разных политических сил или групп влияния. Таким образом, в демократическом обществе правовая политика носит плюралистический, многовариантный характер»¹¹.

Системность — следующая основополагающий принцип правовой политики, означающий, что выстраивание и осуществление правовой политики — это такая деятельность, которая должна иметь комплексный характер. Ее существенными качествами являются также слаженность различных ее звеньев, их внутреннее единство, четкое взаимодействие и взаимообусловленность. Если в обществе наблюдается разрозненность и хаотичность действий различных субъектов правовой политики, то говорить о наличии системности в подобной правовой политике не приходится.

В этой связи С.С. Алексеев отметил: «Как бы ни строились в России правовая реформа и правовая политика вообще, какие бы приоритеты при их определении и осуществлении ни выдвигались, и правовая реформа, и правовая политика в целом должны неизменно сохранять комплексный характер, когда уделяется должное внимание каждому элементу многозвенной правовой системы. Именно каждому! И тогда успех реформы и всей правовой политики во многом обеспечены»¹².

Системность правовой политики связана с тесным взаимодействием различных форм реализации правовой политики — доктринальной, правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной, воспитательно-обучающей и т.д., которые только при их взаимообеспечивающим использовании дадут ожидаемый результат.

Так, в «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденной Президентом Российской Федерации 4 мая 2012 года¹³, прямо говорится о комплексном подходе при реализации данного направления правовой политики. В частности, в статье 9 установлено, что воспитательно-обучающая правовая политика «проводится одновременно с комплексом

мер по совершенствованию законодательства Российской Федерации и практики его применения», а в статье 6 закреплено, что названная «государственная политика осуществляется в тесном взаимодействии со структурами гражданского общества», что «государство поддерживает в форме социального партнерства деятельность негосударственных организаций, которая способствует достижению целей государственной политики».

Это тем более важно, что каждая из форм реализации правовой политики зависят друг от друга, выступая разными направлениями одного и того же процесса. Например, полноценная правотворческая политика невозможна без доктринальных наработок, без научных идей, без концепций, содержащих оценки состояния правовой жизни и перспективы правового развития общества, без правоприменительного опыта и соответствующих правоположений, без учета актов официального толкования, без высокой правовой культуры лиц, занимающихся правотворчеством, без кропотливой праворазъяснительной работы среди населения.

Или взять правоинтерпретационную политику, которая, выступая относительно самостоятельной формой реализации правовой политики, во многом «завязана» на доктринальное правосознание, определяется целями и приоритетами политики правотворческой, сложившейся правоприменительной практикой и т.д.

Следовательно, правовая политика, будучи системной, внутренне согласованной деятельностью, проявляется в различных формах реализации, которые должны находиться в общем «русле» данной политики и быть скоординированными с остальными ее направлениями.

Немаловажное значение имеет и принцип *последовательности* при выстраивании и осуществлении правовой политики. Правовая политика, исходя из требований данного принципа, должна проводиться на основе долгосрочной программы (например, Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года¹⁴), ориентированной на модернизацию российского общества. Не следует забывать и о ближайших планах в сфере правотворческой (особенно законотворческой), правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности, то есть существенной составной частью принципа последовательности правовой политики выступает ее планомерность. Другими словами, здесь нужны не шараханья из стороны в сторону, не эпизодические мероприятия, не забега-

ния вперед, а такие преобразования, которые бы осуществлялись постепенно, «пошагово», реализуя заложенный в долгосрочных ориентирах правовой политики определенный алгоритм действий.

Правовая политика, как и всякая иная политика, просто «обязана» быть целенаправленной. Поэтому *целенаправленность* — еще один из наиболее «влиятельных» и конструктивно-созидающих принципов правовой политики, означающий четкое определение целей и обозначение приоритетов юридической деятельности, вытекающих из поставленных ожидаемых конечных результатов. Проведение в жизнь правовой политики должно основываться на непротиворечивой системе стратегических и ближайших целей, а также на достижении первоочередных задач, то есть приоритетов, в чем и заключается единство такой деятельности, которую и называют правовой политикой.

Отсюда считаю, что выделение в юридической литературе единства правовой политики в качестве самостоятельного принципа не совсем корректно. Его скорее можно рассматривать в виде своеобразного «подпринципа» принципа целенаправленности правовой политики, который, соответственно, выступает его составной частью.

Так, анализируя принцип единства правовой политики, А.П. Коробова отмечает, что, к сожалению, на сегодняшний день данный принцип далеко не всегда учитывается. Это приводит к тому, что многие нормативные правовые акты, принимаемые на разных уровнях (федеральном, субъектов Российской Федерации, местном), зачастую не подчинены единой стратегической задаче, не связаны между собой, а иногда и вовсе концептуально противоречат друг другу. Порой государство пытается выработать политику относительно малозначимых аспектов правовой жизни общества, а по-настоящему важные вопросы оставляет без должного внимания. Нельзя забывать и об отдельных направлениях правовой политики, каждое из которых имеет и свои собственные, частные приоритеты. При выборе последних, как правило, не осознается в полной мере характер той связи, которая объективно существует между самой правовой политикой как единым целым и тем или иным ее направлением как частью. Соответственно, и приоритеты отдельно взятого направления политики в правовой сфере избираются исходя из целей и задач только этого направления. В результате опять-таки нарушается важнейший принцип построения правовой политики государства — принцип ее единства¹⁵.

Например, в заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О пятидесятой годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека» говорилось о том, что ослабление государства привело к тому, что в стране воцарился криминальный беспредел, правоохранные органы оказались не в состоянии выполнять свои основные функции по защите прав человека и основных свобод. На этом фоне в стране развернули деятельность преступные группировки, которые проповедуют национальную и религиозную нетерпимость, стремясь навязать обществу законы бездуховности и человеконенавистничества. Из сказанного следует вывод о том, что борьба с распоясавшейся преступностью должна была стать приоритетом государственной политики¹⁶. При этом депутаты не учитывают, что политика в сфере борьбы с преступностью существует не сама по себе как некое автономное явление, а выступает частью общей правовой политики государства, стало быть, при выборе приоритетов наличие этой связи должно учитываться в первую очередь. Те социальные ценности, на защиту которых сориентирована вся государственная политика в сфере действия правовых норм, определяют и приоритеты уголовной политики¹⁷.

Прогнозирование как принцип правовой политики означает предвидение будущих юридических «ходов» субъектов права, при необходимости соответствующую их корректировку и воплощение в качестве модели поведения в системе правового регулирования, а затем и в правовой жизни.

Так, еще в начале XX века Л.И. Петражицкий писал, что важная задача политики права состоит «в научно обоснованном предвидении последствий, какие следует ожидать в случае введения определенных правовых предписаний, а также в разработке таких положений, введение которых в систему действующего права путем законодательной деятельности (либо иным путем, например, в международной деятельности) оказалось бы причиной определенных желательных результатов»¹⁸.

По справедливому мнению Н.И. Матузова, прогнозирование выступает таким принципом правовой политики, который «основан на предвидении потенциально возможных в перспективе вариантов развития регулируемых отношений и предпринимаемых в юридической сфере решений», ибо «любая модель правовой политики должна учитывать как текущий момент социального состояния, так и его динамику, тенденции и перспективы даль-

нейшего развития, быть рассчитана на своевременный учет возможных изменений»¹⁹.

Рассматривая названный принцип правовой политики, следует отметить, что действовать, что называется, «на опережение» — одна из составляющих в целом процесса управления. К сожалению, исходя из анализа сегодняшних реалий, можно прямо сказать, что данная «составляющая» весьма слабо просматривается в правовой политике современного Российского государства.

Причина этого заключается в том, что власть во многом «погрязла» в экономических отношениях, в коррупции, «не замечая» того, что нужно прогнозировать. С трудом, например, можно поверить в то, что властные органы и конкретные должностные лица не знали о возможной пожарной ситуации 2010 года, не знали о существовании подпольных казино, о состоянии ночных клубов типа «Хромая лошадь», о криминальных схемах поступления в высшие учебные заведения?

В средствах массовой информации практически ежедневно указываются подобные промахи, «исходящие» от властных структур. В частности, что касается широко известного скандала, случившегося в Российском научно-исследовательском медицинском университете им. Н.И. Пирогова по поводу включения в базу данных абитуриентов 2011 года граждан, которые не подавали документов на поступление, то в печати подчеркивается, что «схемы с «мертвыми душами» родились не вчера и, похоже, даже не только во «втором меде», что «подобными криминальными схемами грешат и другие, не менее уважаемые учебные заведения»²⁰.

Возникают вполне закономерные вопросы: если подобные нарушения не были спрогнозированы в рамках правотворческой политики и соответственно остались без законных «противоядий», то почему на уровне правоприменительной политики не спохватились соответствующие субъекты? Где в это время были контрольно-надзорные, правоохранительные органы? Почему не сигнализировал о надвигающихся проблемах громадный бюрократический аппарат?

Пока не будет четкого ответа на данные вопросы, так и будет власть действовать не на опережение, а «разруливать ситуации» после очередного чрезвычайного происшествия.

Выстраивание правовой политики — непростой процесс, на который влияют множество факторов. Поспешность и непоследовательность в определении целей и выборе средств, отсутствие научного предвидения возможных ожидаемых результатов, ошиб-

ки в сроках достижения поставленных целей, неполный учет различных имеющихся обстоятельств и т.д. заметно снижают качество формируемой правовой политики. В этой связи особый интерес представляет потенциал юридического прогнозирования как одной из профилактических мер по предотвращению негативных последствий при выстраивании любой политики, в том числе и правовой.

Объектами юридического прогнозирования являются, прежде всего, объем и характер правового регулирования, динамика отношения граждан к тем или иным правовым явлениям, динамика государственных институтов, потребность в государственном органе и их функциональной составляющей²¹.

Прогнозирование можно использовать как в правотворческой, так и в правоприменительной формах реализации правовой политики, как при ее формировании, так и в процессе практического ее осуществления.

Если говорить о правотворческой, а точнее о законодательской политике, то выводы юридического прогноза, проведенного для анализа и оценки вариантов принятия и действия закона, необходимы для выработки эффективного законодательства. В связи с этим проведение прогнозных исследований рекомендуется закрепить в качестве одного из этапов законодательской деятельности, основной целью которого будет являться ориентация законодателя на поиск оптимального решения задачи путем выбора наиболее приемлемого варианта развития. На данном этапе будут исследоваться потенциальные варианты реализации нормативного правового акта, для каждого из которых будут выделены ожидаемые позитивные и негативные последствия, определена возможная степень эффективности, а в случае высокой степени общественной значимости предмета законопроекта — дополнительно исследовано общественное мнение. Прогнозирование как факультативный этап законодательской деятельности должно проводиться на стадии подготовки законопроекта²².

Наряду с законодателями, прогнозированием необходимо заниматься и органам исполнительной власти, которые тоже активно занимаются формированием правотворческой политики и должны предвидеть последствия от принимаемых ими подзаконных актов: постановлений, приказов, инструкций и т.д. В этом направлении предпринимаются определенные усилия. Так, по сообщениям средств массовой информации, в органах исполнительной власти пытаются ввести совершенно новую практику: «ведомства должны

будут сами предварительно оценивать, чего ждать от очередного нормативного акта, будь то инструкция, приказ или даже закон», «чиновников заставят думать о будущем», ибо «они наблюдают за ситуацией как бы со стороны, поэтому и представление о той жизни, которую они регулируют, у них несколько абстрактное»²³.

Прогнозирование способно усилить и правоприменительную политику, особенно в сфере борьбы с преступностью²⁴. Так, согласно сообщениям прессы, американские полицейские учатся предугадывать правонарушения, используя наработки сейсмологов и специалистов по маркетингу. В частности, стражи порядка из города Санта-Круза задействовали целую команду исследователей, куда вошли два математика, антрополог и специалист по криминалистике. Им предоставили уголовную статистику за восемь лет. Они построили свою методику на том, что многие преступления совершаются повторно. Уличные банды могут отомстить своим противникам после «разборки», а квартирные воры часто «работают» в каком-то конкретном квартале. Исходя из этого, исследователи применили алгоритмы, изначально использовавшиеся для предсказания возникновения афтершоков после землетрясения. Кроме того, они задействовали аналитические программы, похожие на те, что применяются в частном секторе. Их еще называют «бизнес-разведкой». Программное обеспечение такого рода используется, например, в маркетинговых исследованиях, чтобы предугадывать спрос на те или иные товары или услуги, основываясь на анализе накопленных данных. Разработанная учеными программа

непрерывно совершенствуется. Каждый день полицейских направляют в точки, где наиболее высока вероятность преступлений. После этого в систему загружаются данные их отчетов. Благодаря новой программе полиции уже удалось предотвратить несколько преступлений²⁵.

Наряду с вышеназванными принципами правовой политики, весьма значимую роль в ее выстраивании и осуществлении призван играть принцип *реалистичности*. Данный принцип означает, что субъекты правовой политики при ее формировании и реализации должны ориентироваться на достижимые в определенной ситуации цели и на достаточные средства. Реалистичность означает и всемерный учет существующего социально-экономического состояния общества, его национальных, религиозных и культурных традиций, нравственных ценностей и т.д. Базируясь на реально имеющемся уровне развития общественных отношений, обозначенный принцип будет ориентировать субъектов правовой политики не на оторванные от жизни цели и приоритеты, а на действительно злободневные и реализуемые в конкретной временной ситуации. Отсюда в современный период возникают и совершенно обоснованные требования, например, для законодателя, чтобы он не принимал законы, не обеспеченные финансово-материальными и иными ресурсами. Считаю, что призывы типа «ставить достижимые цели» и «жить по средствам» должны стать определяющими в деятельности субъектов правовой политики, как, собственно, и политики вообще.

PRINCIPLES OF MODERN RUSSIAN LAW POLICY

The paper is devoted to the analysis of principles of modern Russian law policy. Their close correlation and necessity of complex implementation for forming a law policy are argued.

Alexander Malko, Doctor of Sciences (Law).
Professor, PhD, Merited Fellow of Science of the
Russian Federation, Director, Branch of the city
of Saratov, Institute of State and Law, Russian
Academy of Sciences

Ключевые слова:

принципы правовой политики,
научная обоснованность, системность,
последовательность, целенаправленность,
прогнозирование, реалистичность.

Keywords:

principle of law policy; scientific validity, systems
approach, consistency, expediency, forecasting,
realistic approach.

Литература:

¹ См.: Матузов Н.И. Принципы правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2010. С. 33. См. также: Куманин Е.В. Взаимодействие политической и

правовой систем // Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи: Монография. Кн. 1 / Под ред. А.М. Васильева. М., 1986. С. 142.

² См., например: Малько А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь: Материалы «круглого стола», состоявшегося 12 сентября 2000 года в Пятигорском государственном технологическом университете. Научные труды. Серия: Юридические науки / Под ред. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2002. С. 7.

³ См.: Муромцев Г.И. Правовая политика: специфика понятия и ее преломление в постсоветской России // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации / Под ред. Н.С. Соколовой. М., 2006. С. 29–30.

⁴ См.: Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права / Под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2009. С. 89.

⁵ Алексеев С.С. Основы правовой политики в России: курс лекций. Екатеринбург–Москва, 1995. С. 66.

⁶ Кичин В. Фауст жив. Александр Сокуров о зловещих парадоксах человеческой природы // Российская газета. 2011. 14 сентября.

⁷ Муромцев Г.И. Правовая политика: специфика понятия и ее преломление в постсоветской России. С. 29–30.

⁸ Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права. С. 94–95

⁹ Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь. С. 30.

¹⁰ См.: Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права. С. 96–97.

¹¹ Орешкин С.И. Введение в судебную политику / Отв. ред. Ю.Ю. Ветютнев. Элиста, 2007. С. 13.

¹² Алексеев С.С. Основы правовой политики в России: курс лекций. Екатеринбург–Москва, 1995. С. 72.

¹³ См.: Российская газета. 2011. 14 июля.

¹⁴ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / Под ред. А.В. Малько. М., 2008.

¹⁵ См.: Коробова А.П. Приоритеты правовой политики // Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. 101.

¹⁶ См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 25 декабря 1998 г. «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О пятидесятой годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 1. Ст. 164.

¹⁷ См.: Коробова А.П. Приоритеты правовой политики // Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. 101–102.

¹⁸ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1906. С. 2–3.

¹⁹ Матузов Н.И. Принципы правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2010. С. 35.

²⁰ Козлова Н. На мед и суда нет? Только с подачи Генпрокуратуры был уволен ректор «Пироговки» // Российская газета. 2011. 12 августа.

²¹ См.: Егорова Н.Е., Иванюк О.А. Правовая реальность и юридическое прогнозирование // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 153–154.

²² Тихомиров Ю.А. Радченко В.И., Егорова Н.Е., Плюгина И.В. Прогнозирование динамики современного законодательства // Концепции развития российского законодательства / Отв. ред. Т.Я. Хабриева и Ю.А. Тихомиров. 5–е издание. М., 2010. С. 48.

²³ Куликов В. Закону предскажут будущее. Чиновников заставят прогнозировать последствия от принятия новых инструкций // Российская газета. 2010. 25 октября.

²⁴ См., например: Новичков В.Е. Комплексное прогнозирование в сфере борьбы с преступностью // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 1. С. 55–62.

²⁵ См.: Воропаев В. Криминальный прогноз. Полицейские учатся предсказывать преступления, как погоду // Российская газета. 2011. 19 августа.